

А. М. ЩЕРБАК

О ХАРАКТЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ТЮРКСКИХ, МОНГОЛЬСКИХ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

I. Стремление объяснить природу материальной и структурной близости тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков выразилось в появлении нескольких гипотез и, в частности, так называемой алтайской гипотезы, постулирующей существование алтайского прайзыка и исходящей из посылки о генетическом родстве указанных языков¹.

На протяжении более чем столетия алтайская гипотеза занимает доминирующее положение в системе взглядов на природу рассматриваемой языковой общности, и усилия некоторых алтаистов вплоть до настоящего времени направлены преимущественно на поиски различных параллелей.

Кульминационной точкой развития компаративистической алтаистики явилась публикация двух сравнительных грамматик: Г. И. Рамstedta и Н. Н. Поппе². Оба автора, обобщая собственные наблюдения, а также излагая в довольно полной и систематической форме многочисленные факты, добытые усилиями других специалистов, подводят итог тому, что было сделано за все время существования алтаистики.

Однако появление сравнительных грамматик не привело к окончательному решению алтайской проблемы. Напротив, оно вызвало усиление скептицизма и способствовало возникновению такой ситуации, когда для широкого круга исследователей алтайская гипотеза по существу утрачивает научную ценность. Отрицательная реакция объясняется тем обстоятельством, что благодаря указанным работам стала более очевидной несостоятельность приемов, при помощи которых устанавливались параллели и реконструировались праформы³. Так, например, достаточно некоторого внешнего сходства и относительной близости значений, чтобы слова, происхождение которых часто остается неизвестным, рассматривались как образованные от одного корня. Особенно неприемлема методика произвольных, не обоснованных реконструкций на основе материалов двух-трех языков или одной-двух групп.

Кризис традиционной алтаистики поставил под сомнение полезность ее дальнейшего развития. Как справедливо заметил Д. Синор, если крупные ученыe не в состоянии доказать тезис о генетическом родстве алтайских языков, то, очевидно, есть что-то неправильное в самом этом тезисе⁴.

¹ Подробный обзор алтаистической литературы см. в кн.: D. Sinor, *Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale*, Wiesbaden, 1963.

² G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, bearb. und hrsg. von P. Aalto, I — Lautlehre, Helsinki, 1957 (далее в тексте — RL); II — Formenlehre, Helsinki, 1952; N. Poppe, *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, Th. 1 — Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960 (далее в тексте — PL).

³ См.: A. S a u v a g e o t, [рец. на кн.] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, I, BSLP, LIV, 2, 1959.

⁴ D. Sinor, *Observations on a new comparative Altaic phonology*, «Bull. of the School of Oriental and African studies», XXVI, pt. 1, 1963, стр. 144. См. также: G. Doerfer, *Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen*, I — Mongolische Elemente im Neopersischen, Wiesbaden, 1963, стр. 51; Г. Д. С а н ж е в, Сравнительно-

В последние годы наряду с компаративистической алтайской постепенно развивается другое направление, сторонники которого подчеркивают важность исторических связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и обращают внимание не только на их сходства, но и на расхождения.

Известно, что сходства, обнаруживаемые в разных языках, не обязательно являются следствием их генетического родства. Нередко сближение языков, независимо от характера первоначальных связей между ними, обусловлено их взаимопроникновением, степень и размеры которого зависят от разных обстоятельств и прежде всего от продолжительности и интенсивности контактов.

Взаимодействие тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков происходило непрерывно в течение многих столетий, и при этом были периоды, когда оно становилось устойчивым и необычайно интенсивным.

Такими периодами для тюркских и монгольских языков Дж. Клосон считает IV—VII вв. (возвышение тюркского племени табгач, основавшего династию Северная Вэй, 386—535 гг.; вассальная зависимость киданей от тюрок до середины VIII в.), VIII—XII вв. (интенсивные контакты тюрок и монголов в Прибайкалье; частичная ассимиляция тюроками северных монгольских племен), XIII—XIV вв. (уйгуро-монгольские культурные связи в разных районах Туркестана)⁵. Особого внимания заслуживают контакты тюркских и монгольских племен, имевшие место в Средней Азии в период после монгольского нашествия, вплоть до завершения ассимиляции среднеазиатских монголов тюроками (XIV—XVI вв.). Монгольское нашествие и связанное с ним оседание в Средней Азии монгольских племен сыграло заметную роль в местных этногенетических процессах и не прошло бесследно для формирования и развития таких тюркских языков, как казахский, киргизский и др.⁶. Что касается судьбы скифов монголов в Средней Азии, то они, находясь постоянно в тюркском окружении и подвергаясь сильному ассимилирующему воздействию, в конце концов полностью утратили свой язык. Полной утрате языка предшествовало состояние двуязычия, засвидетельствованное в письменных источниках и представляющее большой интерес с точки зрения оценки возможностей и путей смешения разных языков.

Периоды сближения тюркских и тунгусо-маньчжурских языков трудно установить с достаточной определенностью. Вероятно, что один из них совпадает со временем существования государства Бохай (698—926 гг.)⁷.

Активное взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков относится к эпохе существования киданьской империи Ляо (Х—XII вв.) и возвышения чжурчженей (XII—XIII вв.), а также ко времени

исторические и типологические исследования в алтайской, сб. «Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания», М., 1965, стр. 85, 86; А. Ронаш, О комплексности типологического метода, там же, стр. 261, 263.

⁵ G. Claisen. The earliest Turkish loan words in Mongolian, «Central Asiatic journal», IV, 3, 1959, стр. 184 и сл.

⁶ См.: С. Кудайбергенов, Материалы о киргизо-монгольских лексико-грамматических параллелях, «Изв. АН КиргССР», Серия обществ. наук, VI, 1 (лингвистика), 1964.

⁷ К числу слов, заимствованных маньчжурами непосредственно у тюрок, В. Котович относит следующие: *bejle* — гитул князя, *durun* «внешний вид; образ», *turu* «образец, модель», *tejgin* «море», *arfa* «овес, ячмень», *bilge* «книга, грамота», *fijelen* «глава», *rezdel*, *salu* «борода», *toron* «пышль», *eisi* «ползья, выгода», *osxon* «ярый, свирепый, неистовый», *sebjen* «веселье, радость» и т. д. [W. Kotwicz, Les éléments turcs dans la langue mandchoue, RO, XIV (1938), 1939, стр. 93 и сл.]. Проникновение тюркской лексики в тунгусо-маньчжурские языки могло происходить и через посредство монгольских языков.

адаптации маньчжурами монгольского письма и распространения буддизма (XVII—XVIII вв.). Особенно тесными были связи монголов с маньчжурами, языки которых вследствие разного рода влияний утратил многие черты исконного своеобразия⁸ и заметно обособился от других языков тунгусо-маньчжурской группы.

Значение исторических связей тем более велико, что данные, относящиеся к области взаимодействия алтайских языков в недалеком прошлом и в настоящее время, говорят о широком проникновении элементов языка одной группы в язык другой, ср., например, влияние монгольского языка на тувинский, бурятского на солонский язык и нерчинский говор эвенкийского языка, якутского языка на эвенкий.

Что касается расхождений, то показательно, что при наличии множества общих слов, обозначающих второстепенные понятия и нередко полностью совпадающих, числительные от 1 до 10, обладающие, как правило, колоссальной устойчивостью, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не совпадают и не могут быть выведены из единых праграфов. Не совпадают также и почти все слова, относимые по традиции к основному, или базовому, лексическому фонду.

То, что степень сходства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков находится в большой зависимости от исторических и географических обстоятельств⁹ и что наряду с поразительными сходствами совершенно очевидны не менее значительные различия, делает преждевременным применение сравнительного метода. Нетрудно понять, что реконструированные без предварительного анализа параллели праграфы не будут иметь никакой достоверности, а установленные фонетические соответствия могут оказаться, в целом или частично, следствием закономерного освоения заимствованных слов.

Учитывая все сказанное выше, на вопрос о том, с чего целесообразнее начинать исследование алтайской проблемы, следует ответить так: с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить сопоставление сходных и различающихся слов.

II. Объектом исследования, послужившего основой для настоящего сообщения, явились три тематические группы — «названия космических тел и явлений», «названия времен года, дня и ночи и т. д.», «названия домашних животных (лошади, мула, осла, коровы, верблюда, овцы и козы)», — которые охватывают 52 наименования.

Выбор названных тематических групп не случаен. Первые две из них включают в себя слова, являющиеся очень древними и устойчивыми, общими в абсолютном большинстве случаев для всех языков каждой группы

⁸ Ср. J. Benzing, Remarques sur les langues toungouses et leurs relations avec les autres langues dites «altaïques», UAJb, XXV, 1—2, 1953, стр. 110.

⁹ По вопросу о заимствованиях внутри алтайских языков см.: Б. В. ладимиров, Турецкие элементы в монгольском языке, ЗВО РАО, XX, вып. II—III, СПб., 1911; W. Bang, Türkisches Lehngut im Mandschurischen, UJb, IV, 1924, стр. 15—19; Г. Д. Санижеев, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, ч. I — ИАН СССР. VII, серия Отд. гуманит. наук, 1930, 8, ч. II — там же, 9; W. Kotwicz, Les éléments turcs dans la langue mandchoue; A. Cəfəroglu, Azerbaycan ve Anadolu ağızlarındaki mögölce unsurlar, «Türk dili araştırmaları yılığı, Belleten», Ankara, 1954; N. Poppe, The Turkic loan words in Middle Mongolian, «Central Asiatic journal», I, 1, 1955; G. Clauzon, The earliest Turkish loan words in Mongolian, «Central Asiatic journal», IV, 3, 1959, стр. 174—187; е. ж. е. The Turkish elements in 14-th century Mongolian, «Central Asiatic journal», V, 4, 1960; St. Kaližuški, Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache, Warszawa, 1961, и т. д.

в отдельности, ср. например, тюрк. **āj* «луна», **kōk* «небо», **čil* «год»; монг. **saran* «луна», **yal* «огонь», **natur* «осень», **qabur* «весна»; тунг.-маньчж. **bijaya* «луна», **sigün* «солнце», **mō* «вода», **dolbo-* «ночь», **iita-* «утро», **toyo* «огонь». Вместе с тем данный разряд лексики не является абсолютно непроницаемым. Можно обнаружить некоторые названия космических тел и явлений, а также название года, относительно заимствования которых одними алтайскими языками из других существует единое мнение, ср. чуваш. *nar* «солнце» (< монг.), монг.-письм. *čil* «год» (< тюрк.), монг.-письм. *čakilčan* «молния» (< тюрк.). Слова, входящие в третью тематическую группу, менее устойчивы и в некоторых языках появились довольно поздно, так как наличие обозначаемых ими реалий связано с особенностями хозяйственного уклада и определенными географическими условиями. В пределах этой тематической группы обнаруживается большое количество прямых параллелей, с почти полным совпадением слов.

Принципиальное различие двух первых групп, с одной стороны, и третьей группы, с другой, делает необходимым их разделенный анализ.

А. Названия космических тел и явлений¹⁰

турк.	монг.	тунг.-маньчж.
* <i>āj</i> «луна»	* <i>saran</i>	* <i>bijaya</i> (~ * <i>bijaya</i>)
* <i>kün</i> (~ * <i>kün</i>) «солнце»	* <i>naran</i>	* <i>sigün</i> (* <i>dilačā</i>)
* <i>čiltis</i> «звезда»	* <i>podun</i> (~ * <i>codun</i>)	* <i>xōsiqta</i>
* <i>kōk</i> «небо»	* <i>oqtorqoi</i>	* <i>nāyña</i>
* <i>čär</i> «земля»	* <i>γajar</i>	* <i>dunra</i>
* <i>suβ</i> (~ * <i>suγ</i>) «вода»	* <i>usun</i>	* <i>mō</i>
* <i>öt</i> «огонь»	* <i>yal</i>	* <i>toyo</i>
* <i>čäl</i> «ветер»	* <i>kej</i>	* <i>čädän</i>
* <i>töli</i> «град»	* <i>mönder</i>	* <i>böna (~ * <i>boγuna</i>)</i>
* <i>päš</i> «лед»	* <i>mölisün</i>	* <i>žükä</i>
* <i>čašin</i> «молния»	* <i>čakilčan</i>	* <i>hosün</i>
* <i>qäř</i> «снег»	* <i>časun</i>	* <i>ximanra</i>
* <i>čaγtig</i> «дождь»	* <i>buruγän</i>	* <i>tügdä</i>
* <i>čiç</i> «роса»	* <i>sigüder</i>	* <i>siläksä</i>
* <i>qiragu</i> «иней»	* <i>qiragu</i>	
* <i>pulut</i> (~ * <i>pilit</i>) «обла- ко, туча»	* <i>egülen</i>	* <i>tögüksä</i>

Б. Названия года, времен года, дня и ночи

турк.	монг.	тунг.-маньчж.
* <i>čil</i> «год»	* <i>pon</i> (~ * <i>phon</i>)	* <i>aħa-</i>
* <i>küs</i> «осень»	* <i>natur</i>	* <i>bolo-</i>
* <i>qiš</i> (~ * <i>qiš</i>) «зима»	* <i>ebäl</i>	* <i>tögä-</i>
* <i>čäs</i> «весна»	* <i>qabur</i>	* <i>nälki-(*~ nähni-)</i>
* <i>čař</i> «лето»	* <i>jun</i>	* <i>juγa-</i>
* <i>kün</i> (~ * <i>kün</i>) «день»	* <i>edür</i>	* <i>inähî</i>
* <i>tün</i> «ночь»	* <i>ənni</i>	* <i>dolbo-</i>
* <i>är</i> «утро»	* <i>öglüge</i>	* <i>tüma-</i>
* <i>käč</i> «вечер»	* <i>üdeši</i>	* <i>siksä</i>

¹⁰ Монгольские и тунгусо-маньчжурские праформы восстановлены Г. Рамстедтом, И. Бенцингом и другими специалистами, тюркские — самим автором. См.: В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949; же, К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 101. Факт народов Северо-Чужурских языков, «Uch. zap. [LGPPI im. A. I. Gerzena]», 101. Fakt der nordischen Völker, Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik, «Abhandl. der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse [der Akademie der Wissenschaften und der Literatur]», Jg. 1955, N 11, Wiesbaden, 1956; N. Poppe, Introduction to Mongolian comparative studies, MSFOu, 11v, 1955.

Какие-либо комментарии по поводу прямых параллелей в пределах двух первых тематических групп излишни: их всего две — одна тюркско-монгольская и одна монгольско-тунгусо-маньчжурская, ср. тюрк. **qīraγi* и монг. **qīraγi* «иней», монг. **jūn* и тунг.-маньчж. **juga-* «лето».

Косвенные параллели и параллели, устанавливаемые в традиционной алтайистике посредством привлечения материалов других тематических групп, весьма многочисленны, ср.:

1. Монг. *naran*¹¹ «солнце», тюрк. *jaz* «весна», эвенк. *nēlki* «весна» (RL 75, 111); монг. *niraj* (<**nar²aj*) «свежий; новорожденный», маньчж. *nārxun* «зеленый, свежий», тюрк. *jaz* (<**nar²*) «весна» (PL 81, 97, 154, 156).
2. Тюрк. *jaj* «лето», дагур., бурят. *naγir* (RL 75, 97).
3. Тюрк. *ot* «огонь», монг. *očin* (<**hotin*) «искра» (RL 153); монг. *odčigin* (<**ōt* + *tigin*) — имя собств., *odqan* (<**ōt* + *qan*) «божество огня; младший сын», тюрк. *ot* «огонь» (PL 49).
4. Тюрк. *kök* «небо; голубой», монг. *kōke* «голубой» (PL 56, 109, 125; RL 154), эвенк. *kukusin* «синий» (PL 154).
5. Эвенк. *ti* (<**mōj*) «вода», монг. *mōren* «река» (PL 110, 150; RL 79, 147).
6. Монг. *časun* «снег», *čaji-* «белеть», *čal* «седой», *čagan* «белый», тюрк. *čal* «седой»; эвенк., эвенк. *čālbān* «береза», *čalha* «лебедь» (PL 97, RL 63).
7. Монг. *boročan* (<**burugān*) «дождь», эвенк. *burqun* «буран», турецк. *bur-* «вертеть, поворачивать», *buran* «буря, вьюга» (PL 21, 79, 102).
8. Эвенк. *dilacā* «солнце», монг. *jil* «год», тюрк. *jil* «год», эвенк. *dild'apkī* «звезда» (RL 52, 143).
9. Монг. *on*, др.-монг. *hon*, монг. *fān* «год», маньчж. *fon* «время» (PL 11, 69, 99, 155; RL 141).
10. Тюрк. *küz* «осень», монг. *küreč* «рыжий, коричневый» (RL 112, 148).
11. Тюрк. *qīš* «зима», эвенк. *keldi* «холодный» (RL 110).
12. Монг. *söni* (<**söñi*) «ночь», монг. *söñi-*, тюрк. *söñ-*, эвенк. *hiw-* (<**söñibü-*), эвенк. *siw-* (<**söñi-*) «гаснуть» (PL 30, 70, 109).
13. Тюрк. *tün* «ночь», монг. *tüne* «темный», др.-монг. *tün* «темный лес» (PL 112, RL 148).
14. Туркм. *ır*, чуваш. *ir* «утро», монг. *erte* (>якут. *ärdä*>эвенк. *erde*), маньчж. *erte* «рано» (PL 106, RL 146).

Никаких данных, позволяющих реконструировать праформы для *jaz* «весна» и *jaj* «лето» с начальным **ň* (ѣ), нет. Подобные реконструкции находятся в явном противоречии с особенностями фонологических систем современных тюркских языков и тюркского прайзыка и предопределены лишь одним желанием увеличить количество лексических параллелей. Все случаи появления в некоторых тюркских языках на месте начального *j* (~*d'* ~ *c...*) среднеязычного *ň* (ѣ) или *n* объясняются ассимилятивным воздействием носовых согласных, ср. саг. *nan* «сторона», шор. *neđä* «жена старшего брата».

Относительные возможности сопоставления эвенк. *ti* «вода» (< **mōj*) с монг. *mōren* «река» трудно сказать что-либо определенное, так как дополнительные звуки, которые позволяли бы установить связь между этими словами, отсутствуют.

Монг. *odčigin* — имя собств. и *odqan* «божество огня; младший сын» — заимствование из тюркских языков, ср. др.-турк. *ot* «огонь», *tegin* «принц», *qan* «хан, правитель». Самостоятельно слово *od* ~ *ot* ни в древних, ни в современных монгольских языках не встречается. Есть достаточные основания считать заимствованным из тюркских языков и монг.-письм. *kōke* «голубой». В тюркских языках значение «голубой» — производное от значения «небо», в монгольских языках *kōke* обозначает только цвет¹². Нали-

¹¹ Здесь и ниже почти полностью сохранены транскрипционные знаки и сокращения, принятые авторами цитируемых работ.

¹² См.: Б. Вадимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, стр. 159. Относительно заимствования др.-турк. *kök* монголами и его фонетической адаптации см.: W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques. III, RO, VII (1929—1930), 1931, стр. 225, 230.

чие второго гласного в *köke* может рассматриваться как следствие структурно-фонетической адаптации: для древних монгольских языков односложные слова и слова с глухим (сильным) согласным в исходе не были характерны, ср.:

Др.-тюрк.

är «муж, мужчина»
ärk «сила, власть»
bärk «крепкий»
çaq- «высекать, делать искру»
jüz «лицо»
küç «сила»
qoñ ~ qoñ «овца»
saya- «доить»

Монг.-письм.

ere
erke
berke
čaki-
žisün «цвет лица; вид; масть»
küçün
xoni
saya-

Необходимо отметить далее, что многие собственно монгольские прилагательные, обозначающие цвет, имеют особый морфологический состав, см. монг.-письм. *ulačan* «красный», *poγoγan* «зеленый», *čaγān* «белый», *barayān* «темный», *jačān* «розовый; светло-фиолетовый», *gēgēn* «светлый». Именно в этой форме выступают почти все обозначения цветов, заимствованные маньчжурами у древних монголов, ср. маньчж. *fulgijan* «красный», *šanjan* «белый», *genggijen* «светлый», *šejen* «белоснежный», *niovanggijan* «зеленый»¹³. И наоборот, те древнемонгольские слова, обозначающие цвет, которые имеют иную структуру, являются, как правило, заимствованиями из тюркских языков, ср. *šira* «желтый» (<*sariγ*), *bogi* «серый» (<*bōz*), *al* «алый» (<*äl*), *xiwa* «бледно-желтый» (<*qua*), *χara* «черный» (<*qara*), *jihibin* «багряный, ярко-красный; фиолетовый» (<*jerkin ~ jepkin*)¹⁴. Эвенк. *kiki* «синий; зеленый; зеленовато-серый» < бурят.

Čal «седой, серый (масть лошади)» относится к числу «культурных слов», ср. перс. *čal*, русск. чалый, и примыкает к большой группе монгольских слов, содержащих древний корень ča-, ср. монг.-письм. *čaγān* «белый», *časun* «снег», *čaji-* «белеть». Не исключено, однако, что связь *čal* с указанной лексической группой является случайной: это слово можно обнаружить только в современном монгольском языке и только в составе парного сочетания (*čal-būral*). Связь эвенк. *čalbān* «береза» (ср. маньчж. *čalfa* «береста») с монг. *čal* неясна. Čalka в значении «лебедь» в словарях эвенкийского языка отсутствует¹⁵.

Далеко за пределы алтайских языков распространяется ареал бытования слов, объединяемых значением «буран, пурга». Как отмечает А. И. Попов, «... в течение сотен лет разными путями создались те сходства, которые определяют некоторое „созвучие“ слов самых разных, часто совершенно не родственных между собой языков: буря, пурга, буран, якут. бурхан „бурая“, алт. порогон, фин. ruyg..., возможно, даже и др.-греч. Ворέας, и кассит. Buriaš, и турецк. bora „бурая, ураган“...»¹⁶. Попытка рассматривать турецк. *buran* «буран» как отлагольное имя от *bur-* «вертеть»

¹³ См.: W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques. III, стр. 223, 229—232; H. Okada, Color-names in Manchu, «American studies in Altaic linguistics», Uralic and Altaic Series, 13, Bloomington, 1962, стр. 225—227.

¹⁴ См.: G. Clauzon, The Turkish elements in 14-th century Mongolian, стр. 311.

¹⁵ В. Котвич указывает на несколько случаев упоминания этого слова в специальной литературе в значении «белый» и выделяет в нем основу ča- и аффикс -lka (-lko), ср. эвенк. ča-lko «белый», нан. saka-lka «черный» (W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques, III, стр. 232). Ср. также: ульч., нан. čala «светлый», нан. čagža «белый», нивх. č'and' «белый» (о масти животных).

¹⁶ А. И. Попов, Из истории лексики языков Восточной Европы, [Л.], 1957, стр. 27. См. также: W. Bawig, Turkologische Briefe aus dem Berliner ungarischen Institut, UJb, XIV, 3, 1934, стр. 211, примеч. 1; G. Dögerle, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I, стр. 219—221.

вызывает возражения с фонетической стороны,ср. алт. *boroγon*, татар., турецк. *buran*, тув. *boraγ*, туркм., узб., уйг. *boran*, хакас. *porān* «непогода, метель, буран» (<*boraγan*, ср. др.-монг. *boroγan* «дождь»); алт. *burū-*, татар. *bōr-*, турецк., туркм., уйг. *bir-*, узб. *bir-~bura-* «вертеть, поворачивать» (< **pur-*).

Монг. *jil* (< тюрк.) в древних текстах входит в состав календарных обозначений по двенадцатилетнему животному циклу, заимствованному у уйгуров¹⁷.

Эвенк. *dīlačā*, эвен. *dīlīči* «солнце» нетрудно сблизить со словом *dīl* «голова». Включение же его в одну группу с тюрк. *jīl ~ jil* «год» кажется по меньшей мере странным. *Jildapki* (у Г. Рамстедта: *dild'aphi*), обозначающее в говоре Подкаменной Тунгуски не «звезды», а «небо», фонетически не сводимо к *dīlačā*.

Маньчж. *fon* «время» не имеет параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в тюркских языках, что делает сомнительным предположение о его развитии из общеалтайской праформы. Предпочтительнее считать *fon* заимствованием из монгольских языков.

Сопоставление тюрк. *küz* «осень» (чуваш. *kēr*) с монг. *küreg* «рыжий, коричневый» основано на чисто внешних моментах. В тюркских языках Южной Сибири *küreg* — заимствованное слово.

То же самое можно сказать и о сопоставлении тюрк. *qīš* «зима», и эвенк. *kēldi* «холодный» (~ *gilli*, *gelli*). Чуваш. *xēl* «зима» — относительно позднее отражение тюркской праформы **qīš* (~ **qīš*).

Монг. *tüne* «темный» и *erte* «рано» — заимствования из тюркских языков. Др.-турк. *ärtä* — форма местн. падежа от *äg* «утро» (< **är*).

Последняя группа параллелей включает как произвольные, так и вполне обоснованные сопоставления, ср. монг. *söni* «ночь», монг. *söñi*- , тюрк. *sōn-*, эвенк. *hiw-*, эвенк. *sīw-* «гаснуть». Восстановление тунгусо-маньчжурских праформ для эвенк. *hiw-* и эвенк. *sīw-* «гаснуть» в виде **sōjī-* или **sōjibī-* ничем не оправдано и, естественно, не может служить основанием для сближения *hiw-* и *sīw-* с монг. *söni* «ночь». Наличие этимологической связи между монг. *söni* «ночь» и *söñi*- «гаснуть» является весьма вероятным, но не бесспорным. Что же касается монг. *söñi*- и тюрк. *sōn-* «гаснуть», то рассмотрение их в ряду лексических параллелей не вызывает никаких возражений.

В. Названия домашних животных (лошади, мула, осла, коровы, верблюда, овцы и козы)

Др. - т у р к .

М о н г . - п и с ъ м .

Т у н г . - м а н ъ ч ж .

at «площадь»
aqtā, *alaşa* «мерин»

morin
axta

маньчж., эвенк. *morin*
маньчж. *aqtā*, эвен. *atamat*
muran; маньчж. *alaşan* «кляча»

abγir «жеребец»
bij «кофыла»

ajirγa
gegün

маньчж. *ajirγan*, эвенк. *ajirga*
маньчж. *geo*, эвенк. (верхнеленский говор) *gēn*

qisir «бесплодный, яловый»

keūser

маньчж. *kisari* «нежеребая ко-
была»

qulun «жеребенок до года»
çulan «самец молодняка ло-
шади, коровы, верблюда,
овцы двух-трех лет»

upaqan
çulan

маньчж. *upaxan*
маньчж. *çulan*

çupañip «самка молодняка
лошади, коровы, верблю-
да, овцы двух-трех лет»

çupañin

—

¹⁷ См.: W. Kotwicz, O chronologji mongolskiej, RO, II (1919—1924), 1925,
стр. 221, 224.

<i>döñän</i> «самец молодняка лошади, коровы, верблюда, овцы трех-четырех лет»	<i>döñön</i>	—
<i>döñäjün</i> «самка молодняка лошади, коровы, верблюда, овцы трех-четырех лет»	<i>döñöjün</i>	—
<i>qatır</i> «мул»	<i>qaçır</i>	—
<i>äşkäk</i> «осел»	<i>eljigen</i>	—
<i>oγuz, öküz</i> «бык»	<i>üxer</i>	эвенк. <i>hukur</i> «корова», эвенк. <i>inak ogus</i>
<i>iγäk</i> «корова»	<i>ünegen</i>	маньчж. <i>mixačan</i> , эвенк.
<i>biqa</i> «бык-производитель»	<i>biqa</i>	(нерч. говор) <i>büqa</i>
<i>bozayı</i> «теленок до года»	<i>birayı</i> «теле-	—
	ленок двух	—
	лет»	—
<i>täbä</i> «верблюд»	<i>temegen</i>	маньчж. <i>temen</i> , эвенк. <i>təmegen</i>
<i>atan</i> «верблюд-мерин»	<i>atan</i>	—
<i>buγra</i> «верблюд-производитель»	<i>buγura</i>	—
<i>iγän</i> «верблюдица»	<i>iγegen</i>	—
<i>bota, botuq</i> «верблюжонок до года»	<i>botuγan</i>	—
<i>tajlaq</i> «верблюжонок двух лет»	<i>tajilaγ</i>	—
<i>torum</i> «верблюжонок по третьему году»	<i>torum</i>	—
<i>qoñip, qoñip</i> «овца»	<i>qonin</i>	маньчж. <i>xonin</i> , эвенк. <i>konin</i>
<i>qoč, qočqar</i> «баран»	<i>quča</i>	нан. <i>xusa xoni</i>
<i>qozı</i> «ягненок»	<i>quraγan</i>	эвенк. (нерч. говор) <i>kurkan</i>
<i>jitmä</i> «самец дикого горного козла»	<i>itäγan</i> «коза»	маньчж. <i>niman</i> , эвенк. <i>iman</i> , ороч. <i>ita</i> «коза»

В пределах данной тематической группы все совпадения прямые и нет случайных параллелей. Количество различающихся слов ограниченное, оно не имеет существенного значения для определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, и поэтому такие слова опущены.

Есть ли основание рассматривать это обилие параллелей как следствие генетического родства указанных языков?

Др.-турк. *aqtä*, монг.-письм. *axta*, маньчж. *aqta*, эвенк. *atamat* восходят к перс. *axta* «холощенный, выложенный»¹⁸ (монг.-письм. *axta* < др.-турк. *aqtä*, эвенк. *atamat* < якут. *attamit*). Др.-турк. *öküz* (*oγuz*), монг.-письм. *üxer*, эвенк. *ogus* «бык», эвенк. *hukur* «корова» принято считать заимствованиями из древних индоевропейских языков, ср. тохар. В *okso*¹⁹ (эвенк. *hukur* < монг.; эвенк., негид. *ogus* < якут.). Ср. также: др.-турк. *äşkäk* и монг.-

¹⁸ См.: П. М. М е ли о р а н с к и й, З аимствованные восточные слова в русской письменности до-монгольского времени, СПб., 1906 [отд. отт. из ИАН ОРЯС, X, (1905), 4], стр. 4—5.

¹⁹ См.: G. Clauson, Turkish and Mongolian studies, London, 1962, стр. 234. Г. Дёрфер выступает против сопоставления др.-турк. *öküz* с тохар. В *okso*, очевидно, полагая, что это может осложнить решение проблемы происхождения начального *h* в монгольских языках, и рассматривает *öküz* как собственно тюркское слово (**p̥ykeř* > прамонг. **p̥ikär* > *häker* > *ükər*). См.: G. D o e g f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen, I, стр. 539. Действительно, решить проблему происхождения начального *h* в др.-монг. *häker* с учетом его развития из тюрк. *öküz* (< тохар. В *okso*) не легко. И все же такой способ решения указанной проблемы кажется наиболее правильным, тем более что восстановление в тюркском прайзыке праформы **p̥ykeř* не подкреплено никакими фактами тюркских языков.

письм. *eljigen* «осел»²⁰; др.-турк. *täbä*, монг.-письм. *temegen*, маньчж. *temen* «верблюд» (-*käk* в др.-турк. *äškäk* является факультативным словообразовательным элементом, ср. др.-турк. *är* и *ärkäk* «мужчина», др.-турк. *tiz* и тув. *diskek* «колено»). Заемствование др.-монг. *qačir* «мул» из тюркских языков засвидетельствовано разными источниками и в число традиционных алтайских сопоставлений не включается²¹. О тюркском происхождении ряда других монгольских и тунгусо-маньчжурских названий животных свидетельствуют их структурно-фонетические особенности, обусловленные приспособительными изменениями — озвончением или воказализацией согласных (ср. монг.-письм. *ÿnegen* и др.-турк. *iŋäk* «корова»; монг.-письм. *buγura* и др.-турк. *buγra* «верблюд-производитель»; монг.-письм. *qıča* «баран», нан. *xusa* «самец» и др.-турк. *qoč* «баран»; монг.-письм. *botuγan* и др.-турк. *botuq* «верблюжонок»), морфологический состав (др.-турк. *tajlaq* «верблюжонок двух лет», ср. узб. *botalaq* «верблюжонок», *çaqaləq* «младенец», *tɔj* «жеребенок»); др.-турк. *bozayi* «теленок до года» (ср. др.-турк. *boz* «серый», **boza-* «сереть»), этимологические связи (ср. др.-турк. *at* «лошадь», *atan* «верблюд-мерин»). Староузб. *çupan*, *çupañin* «самец и самка молодняка двух-трех лет», *döñän*, *döñäñin* «самец и самка молодняка трех-четырех лет» и маньчж. *çupan* — заимствования из древнемонгольского языка (ср. монг.-письм. *çurban* «три», *dörben* «четыре»)²².

Следует подчеркнуть также, что почти вся лексика, связанная с использованием домашних животных у древних монголов, является тюркской по происхождению, например, монг.-письм. *kilγasun* «волос» (< др.-турк. **qilaq*, ср. турецк. *qıl*, чуваш. *xēlēx*), *ajiraγ* «айран» (< др.-турк. **ajraq*, ср. узб. *ajrən* «айран», *ajir-* «отделять»), *pıγuzasın* «шерсть» (< др.-турк. **judaq*, ср. узб. *juq*), *qudurγa* «шлея» (< др.-турк. *quduruq*), *kötüldürge* «нагрудный ремень у лошади» (< др.-турк. *kötüldürük*, ср. *kötüł* ~ *köđül* «грудь»), *sazulγa* «подойник» (< др.-турк. **sazlaq*, ср. *saz-* «доить», *sazlıq* «дойная овца»), *köske* «выюк» (< др.-турк. **köök*, ср. *köç-* «кочевать»), *örügen* «путы» (< др.-турк. *örük* ~ *örög* «сплетенный, переплетенный») и т. д.

Приведенных данных достаточно, чтобы убедиться в невозможности объяснения лексических параллелей, обнаруживаемых в последней тематической группе, ссылкой на генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Совершенно очевидно, что названия многих домашних животных в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеют небольшую историю и что начало хозяйственного использования коровы, верблюда, осла, овцы и козы у монголов и тунгусо-маньчжуротов относится к позднему времени²³.

Местом расселения тюркских племен с давних пор являлись степи. В связи с этим названия домашних и диких животных степной зоны в тюркских языках представлены чрезвычайно широко, с большой возрастной

²⁰ См.: O. Schrader, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, стр. 206; H. Pedersen, Türkische Lautgesetze, ZDMG, 57, 1903, стр. 561.

²¹ См.: N. Roppe, The Turkic loan words in Middle Mongolian, стр. 40.

²² См.: «Монгольский словарь Мукацдимат ал-Адаб», I, «Труды Ин-та востоковедения», XIV, М.—Л., 1938, стр. 69.

²³ Ср. замечание Г. Д. Санжеева о том, что «маньчжурский и монгольский языки объединяет лишь та часть лексики, которая является отражением скотоводческой культуры и что сближение этих языков происходило в периодnomadизации ихносителей» (Г. Д. Санжеев, К тюрко-монгольской лингвистической проблеме, «Труды Московск. ин-та востоковедения», 4, М., 1947, стр. 68. См. также: е г о ж е, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, I, стр. 615).

дифференциацией, тогда как наименования лесных животных весьма бедны. Местом обитания древних монголов, тунгусов и маньчжуров была зона лесов. В специальном исследовании, посвященном монгольскому кочевому феодализму, Б. Я. Владимицов отмечает, что «... монгольские кочевники-скотоводы сохранили многое от охотниччьего быта»²⁴ и что множество фактов «... позволяет видеть в монголе древней эпохи не простоnomада, а кочевника-охотника»²⁵. Занятия охотой более характерны для лесных племен, чем для степных, и поэтому кочевника-охотника следует считать потомком жителя лесов.

Мы глубоко убеждены, что последовательное и вместе с тем очень осторожное разделение древних тюрок, с одной стороны, и древних монголов, тунгусов и маньчжуров, с другой, как степных жителей и жителей лесов, представит дополнительные возможности для выяснения природы многих алтайских параллелей.

III. Краткий обзор и анализ 16 лексических параллелей, устанавливаемых в пределах двух первых тематических групп представителями традиционной алтайстики, показывает, что четыре из них являются случайными, шесть — возникшими в результате заимствования, две — относящимися к «культурным словам», границы распространения которых находятся далеко за пределами алтайских языков, и четыре — неясными, т. е. такими, которые можно рассматривать и как возникшие в результате заимствования и как восходящие к алтайским праформам.

Таким образом, объектом дальнейшего исследования, после исключения произвольных параллелей, могут быть, с одной стороны, параллели, о происхождении которых нельзя сказать ничего определенного (ср. тюрк. *qīraγi и монг. *qīraγi «иней»; монг. *jūn и тунг.-маньчж. *juγa- «лето»; тунг.-маньчж. *tōb «вода» и монг. *mören «река»; монг. *söñi «ночь», *söñi- «гаснуть» и тюрк. *söñ- «гаснуть»), с другой, явные заимствования (ср. монг. kōke «голубой», эвенк. kuki²⁶ «синий, зеленый» < тюрк.; монг. odčigin — имя собств., odqan «божество огня; младший сын» < тюрк.; монг. jil календ. «год» < тюрк.; маньчж. fon «время» < монг.; монг. tüne «темный» < тюрк.; монг. erte «рано» < тюрк.).

Относительно параллелей с неясным происхождением можно заметить, что они охватывают не все три, а только по две группы алтайских языков (тюркские и монгольские, монгольские и тунгусо-маньчжурские). Хотя само по себе это обстоятельство и не имеет решающего значения для выяснения природы алтайской общности, тем не менее оно заслуживает внимания. «Цепная» связь (т. е. связь тюркских языков с монгольскими, монгольских с тунгусо-маньчжурскими, тунгусо-маньчжурских с тюркскими) плохо согласуется с представлением о генетическом родстве и свидетельствует об образовании указанных параллелей скорее путем конвергентного развития разных языков, чем вследствие дробления предполагаемого единого праязыка.

Заимствованные слова, входящие в параллели всех трех тематических групп, образуют самостоятельную и очень важную область исследования. Они оказываются тем дополнительным источником, в котором зафиксированы и сохранены фонетические процессы, происходившие в разное время в той или иной группе языков.

Остановимся на явлении ротации. Древнетюркским словам öküz «бык», bozaγi «теленок до одного года», qozı «ягненок» соответствуют

²⁴ Б. Я. Владимицов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 35.

²⁵ Там же, стр. 41.

²⁶ Проникло в эвенкийский через бурятский язык.

монг.-письм. *üxer*, *biraču*, *quračan*; ср. также: эвенк. *hukur* «корова», *ogus* «бык», *kurkan* «ягненок» (нерч. говор) ²⁷.

Соответствие *r* ~ *z* ~ *s*, *r* ~ *z* или *r* ~ *s* в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках прослеживается и в других заимствованных словах, не входящих в рассматриваемые тематические группы. Примеры:

1 (r) др.-монг. *bo'orla-* «перерезать горло», ср. чуваш. *pīr*, узб. *bo'iz*, тув. *bōstā*, «горло»;

монг.-письм. *boru* «серый, чалый», ср. чуваш. *pävär*, гагауз. *bōz*;

монг.-письм. *ikere* «близнецы, двойня», ср. чуваш. *jēkēreš*, татар. *ig'z*, алт. *igis*;

эвенк. *turuqe* «соль», ср. чуваш. *tävar*;

монг.-письм. *küger* «гордый, надменный», ср. др.-турк. *küvāz*;

монг.-письм. *kerü-* «бродить, скитаться», ср. др.-турк., узб. *kez*;

др.-монг., маньчж. *sere-* «чувствовать», ср. чуваш. *sis-* (<татар.!), татар. *siz-*, алт. *sas-*,

маньчж. *toron* «пыль», ср. татар. *tuzan*;

монг.-письм. *ugan* «мастер», ср. др.-турк. *iz* «искусный, опытный», якут. *as* «мастер»;

2 (z) др.-монг. *seze-* «чувствовать» ²⁸, ср. узб. *sez-*,

3 (s) монг.-письм. *boğos* «зародыш у самки животного», ср. якут. *buos*, узб. *boğoz* «стельная, жеребая»;

др.-монг. *bōs*, маньчж. *boso* «материя: холст, бязь, ситец», ср. алт. *bōs*, узб. *bōz*, туркм. *bīd*, чуваш. *pir* (<?тохар. В *bōs*);

монг.-письм. *dabusun* ²⁹, маньчж. *dabsun*, эвенк. *tus* «соль», ср. якут. *tūs*, чуваш. *tävar*, туркм. *dūd*;

монг.-письм. *jisün* «цвет лица; вид; масть», ср. якут. *sūs* «лоб», узб. *jūz*;

монг.-письм. *kesü-* «бродить, скитаться», ср. тув. *kes-* «обходить», узб. *kez-*;

монг.-письм. *toğosun* ³⁰ «пыль», маньчж. *dahasun* «земля», ср. чуваш. *tusan* (<татар.), татар. *tuzan*, туркм. *tōb* «пыль».

Z, *r* и *s* в тюркских языках восходят к одному из аллофонов пратюркского /*s/ — слабому *s*, выступавшему в положении после долгого гласного в односложных словах и после любого гласного в словах из двух и большего количества слогов ³¹. Слабый *s* в период существования общетюркского языка (или после его дробления) в одной диалектной группе тюркских языков сохранил глухость, в другой — разился в *z* (δ), в третьей — изменился сначала в *z* (δ), а затем в *r* ³². Из современных тюркских языков ротацирующим является только чувашский.

В монгольских языках ротализм встречается в конце первого слога с общетюркским долгим гласным и в конце непервых слогов после лю-

²⁷ См.: M. A. Castré, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss, St.-Pb., 1856, стр. 81.

²⁸ См.: «Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб», I, стр. 320, 322.

²⁹ Дж. Клосон склонен рассматривать сопоставление монг.-письм. *dabusun* «соль» с др.-турк. *tūs* и монг.-письм. *toğosun* «пыль» с др.-турк. *tōz* как случайное (G. C I a u s o n, A postscript to prof. Sinor's «Observations on a new comparative Altaic phonology», «Bull. of the School of Oriental and African studies», XXVII, pt. 1, London, 1964, стр. 155).

³⁰ Согласно предложению Дж. Клосона монг.-письм. *toğosun* «пыль» развилось из др.-турк. *tōt* «пыль» (там же, стр. 155).

³¹ О других точках зрения на природу ротализма см.: G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, JSFO u., XXXVIII, 1922—1923, стр. 26—32 (Г. Рамстедт вводит *z* ~ *r* к особому **r'*); O. Ritsak, Der «Rhotazismus» und «Lambdazismus», UAJb, 35, fasc. D, 1964, стр. 337—349 (О. Рицак вводит *z* ~ *r* к сочетанию **rti*); А. Бишиев, Соответствие *-r/-z* в алтайских языках, сб. «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965 (в большой группе слов А. Бишиев рассматривает *z* и *r* как разные морфологические элементы).

³² Аналогичный процесс происходил в германских языках. «Как известно в сильной позиции, — пишет Э. А. Макаев, — германская фонетическая система допускала лишь глухую (слабую) фонему *s*. В слабой позиции реализовался озвонченный вариант данной фонемы. С течением времени данный вариант (*z*) в отдельных германских диалектах перерастает в особую фонему *R*» (Э. А. Макаев, Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения, сб. «Материалы первой научной сессии по вопросам германского языкознания», М., 1959, стр. 50).

бых гласных, преимущественно в интервокальном положении. Следовательно, те условия, которые предопределяли в тюркских языках ослабление конечного *s* и его озвончение, а также переход *z* в *r*, на монгольской почве получили еще более интенсивное выражение.

Ни в одном из древнетюркских текстов, относящихся к VIII—XII вв., ротацизм не встречается, поэтому естественно думать, что ротацирующие формы появились в монгольских языках не позднее VI—VII вв., когда все тюркские племена располагались довольно компактно в бассейне Енисея.

В ряде слов, например, в монг.-письм. *jisün* «цвет лица, вид, масть», др.-монг. *bös* «холст, бязь» (ср. чуваш. *pir*), монг.-письм. *kesü* «бродить, скитаться» (ср. монг.-письм. *kerü* «бродить, скитаться») и т. д., при наличии условий для перехода *z* в *r*, ротацизм не наблюдается. Эти слова были заимствованы после VII—VIII вв. из той диалектной группы тюркских языков, в которой отражения всех аллофонов тюркской фонемы /*s/ совпадали в *s*.

В тесной связи с ротацизмом находится ламбдаизм. Др.-турк. *äskäk* «осел» соответствует др.-монг. *eljigen*. Ср. также в составе других тематических групп: др.-турк. *qorγasän* (~ *qorutjän* ~? *qosun*, турецк. *qırşın*, кирг. *qorγoşın*, казах. *qorγasın*) «свинец», *arış* «оглобля», *taš* «камень», *tavşan* (~ *tavişyan*) «заяц» и, соответственно, др.-монг. *qorγoljin*, *aral*, *čilačun*, *taulaj* (~ *tablqaj*)³³. Строго говоря, ламбдаизм представлен только в пределах трех последних параллелей, так как в др.-монг. *eljigen* «осел» и *qorγoljin* «свинец» тюркскому *š* соответствует не *l*, а сочетание *lj*.

Ламбдаизм — чисто тюркское явление и поэтому др.-монг. *aral*, *čilačun*, *taulaj* следует считать заимствованиями из тех тюркских языков или диалектов, в которых общетюркский *š* после долгого гласного или в конце любого многосложного слова становился слабым, озвончался и подвергался сонантизации. Что касается др.-монг. *eljigen* и *qorγoljin*, которые также должны рассматриваться как несобственные монгольские слова, то в них, с учетом возможности изменения древнетюркского *š* в *j*, вполне вероятно появление *l* на монгольской почве.

Обратим далее внимание на соответствие *n* ~ *j* ~ *j̄*³⁴, ср. др.-турк. *jümča* «самка дикого горного козла», монг.-письм. *imatačan* (> якут. *itäča*), др.-монг. *nimačan*, монг. *jatā*, маньчж. *niman*, эвенк. *imagan*, ороч. *ima* «коза».

В заимствованных словах, относящихся к другим тематическим группам, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках это соответствие охватывает большее количество звуков — *d* ~ *n* ~ *j* ~ *j̄*. Примеры:

1 (d) монг. *del*, бурят. *delhen*, эвенк. (нерч. говор) *dəlin*, *delsun*, маньчж. *delun* «грива», ср. алт. *d'elbek* «плохматый», тув. *čel*, турецк. *jèle* «грива»;

монг.-письм. *deleb*, маньчж. *delen* «вымя», ср. алт. *d'eli*, узб. *jelin*, кирг. *jelein*;

монг.-письм. *dulačan* «теплый», ср. алт. *d'ilu*, тув. *čiliγ*, узб. (диалектн.) *jiliq*, кирг. *jiłū*;

2 (n) монг.-письм. *nidurča*, маньчж. *ničan* «кулак», ср. саг. *nuzruq*, хакас. *mungurux*, тув. *čuduruq*, якут. *suturuq*, татар. *jödrıq*, кирг. *judurug*;

др.-монг. *nuhgasun* «шерсть», ср. тув. *cüb*, кирг. *jüp*, др.-турк. *jüb*;

3 (j̄) монг.-письм. *jača* «воротник», ср. кирг. *jaqa*, узб. *jøχaq*;

др.-монг. *j'a'ay* «орех», ср. кирг. *jaŋčaq*, узб. *jøχaq*;

др.-монг. *j'a'an* «слон», ср. тув. *čän*, алт. *d'än*, др.-турк. *jačan*;

монг.-письм. *jarim* «половина», ср. кирг. *jarim*, тув. *čartiq*, узб. *jarim*;

³³ Другие примеры ламбдаизма, обычно рассматриваемые в специальной алтайской литературе, весьма случайны, см. нашу рец. на кн.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I—II («Народы Азии и Африки», 1961, 4, стр. 229—230).

³⁴ См.: G. Clauson, The Turkish Y and related sounds, «Studia Altaica. Ural-Altaische Bibliothek», Wiesbaden, 1957, стр. 33—45.

др.-монг. *jemis* «фрукт», ср. кирг. *jemiš*, тув. *čimis*;
 др.-монг. *jihijin* «фиолетовый», ср. др.-турк. *jepkin*;
 монг.-письм. *jil* «год», ср. кирг. *jil*, тув. *čil*, алт. *d'il*, узб. *jil*;
 монг.-письм. *jirüken* «сердце», ср. кирг. *jırök*, тув. *čärek*, алт. *d'ürek*, узб. *jüräk*;
 монг.-письм. *jula* «светильник», ср. тув. *čula*;
 монг.-письм., маньчж. *jalbari*- «молиться, умолять», ср. туркм., др.-турк. *jalbar*- «просить, умолять»;
 монг.-письм. *jiruča* «иноходец», маньчж. *jörän* «иноходь», ср. кирг. *jörö* «иноходец», турецк. *jörča* «иноходь; иноходец», алт. *d'orjö* «иноходец»;
 монг.-письм. *jut* «гололедица и падеж скота от гололедицы», ср. кирг. *jut.*, тув. *čut*, алт. *d'ut*, узб. *jut*;
⁴ (j) др.-монг. *jalavači* «посол», ср. др.-турк. *jalavač*;
 др.-монг. *jilvi* «волшебство», ср. др.-турк. *jelvi*;
 др.-монг. *jirtinčü* «вселенная, мир». ср. др.-турк. *jirtinčü* (<?тибет. *'jig rten*).

В фонологической системе тюркского прайзыка мы восстанавливаем фонему **θ*, аллофон которой, выступавший в абсолютном начале слова, имел многообразные рефлексы, ср. азерб. *j*, алт. *d'(t')*, балкарск. *j ~ z*, тув. *č*, чuvаш. *ś*, якут. *s*, саг. *n* (при ассимилятивном воздействии последующих носовых согласных), например, азерб. *jol*, алт. *d'ol*, балкарск. *jol ~ zol*, чuvаш. *śul*, якут. *suol* «дорога».

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках оказались зафиксированными отдельные этапы развития **θ*, причем самыми древними заимствованиями следует считать слова с начальными *d* и *n*, более поздними — с *j* и еще более поздними — с *j*.

Разновременность и разнотесность заимствований создают иллюзию закономерных фонетических соответствий, однако достаточно указать лишь на одно обстоятельство, чтобы эта иллюзия полностью рассеялась. В тюркской группе в каждом языке или диалекте регулярно представлен один член соответствия (*d*) — *n* — *j* — *j*, в монгольской и тунгусо-маньчжурской группах в одном языке могут выступать одновременно все члены соответствия. Правда, некоторые алтайцы обходят эту трудность произвольным увеличением количества архетипов, что существенно облегчает объяснение многообразных соответствий в пределах одного языка (ср. **r'*, **l'* наряду с **r*, **l*, **d*, **θ* и **t* и т. д.). И то, что разные архетипы в целых группах языков дают одинаковые ряды рефлексов, во внимание не принимается. Хотя случаи разного рода конвергенций не так уж редки, утрата нескольких дифференциальных признаков, образующих коррелятивные оппозиции, без существенных изменений в системе вряд ли возможна.

IV. Основные или исходные компоненты тюрко-монгольских параллелей имеют чаще всего тюркское происхождение, монголо-тунгусо-маньчжурских — монгольское, и, таким образом, процесс заимствования в целом должен быть охарактеризован как направленный от тюркских языков к монгольским, от монгольских к тунгусо-маньчжурским. Причины подобной односторонней результативности процесса взаимодействия много лет тому назад объяснили Б. Я. Владимиров и Г. Д. Савжеев, отметившие, что развитие культуры в Центральной Азии и на Дальнем Востоке направлялось с запада на восток³⁵.

В самом деле, не только лексика, связанная со скотоводством, но и терминология земледельческой культуры в подавляющем большинстве случаев распространялась в одном направлении. Так, например, монг.-письм. *tarijan* «пашня; посев», маньчж. *tarin* «посев; земледелие»; монг.-письм. *tegermen* «мельница», *elgek* «сито», *buγudaј* «пшеница», *birčaγ* «го-

³⁵ Б. В. ладимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, стр. 159; Г. Д. Савжеев, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, стр. 615.

рох», *arba* ~ *arbaj*, маньчж. *arfa* «ячмень» — заимствования из древних тюркских языков, ср. др.-турк. *tariγ*, *tägärmän*, *älgäk*, *buγdaj*, *buγčaq*, *agra*.

Приблизительно также обстоит дело с названиями основных металлов и сплавов, ср.:

Др. - тюрк. (совр. тюрк.)	Монг. - письм.	Тунг.-маньчж.
<i>altun</i> «золото»	<i>altan</i>	маньчж. <i>aisin</i> , эвенк. <i>altan</i>
<i>baqır</i> «медь»	<i>jes</i> ~ <i>jet</i>	эвен. <i>čičürmi</i> , эвенк. <i>čičün</i> , эвен. <i>čirit</i> , эвенк. <i>čirkte</i>
<i>jaz</i> ~ <i>jaz</i> «латунь»	<i>taulin</i> ~ <i>yalin</i> ,	эвен. <i>gigan</i> «латунь», маньчж. <i>giowan</i> «медь»
<i>tuč</i> (турецк. <i>tunč</i> ; казах. <i>qola</i> , хакас. <i>xola</i>) «бронза»	<i>kürel</i> , <i>yolani</i>	—
<i>qorγasın</i> «свинец»	<i>qorγoljin</i>	эвен., эвенк. <i>tūj</i> ~ <i>tūja</i> «сви- нец, олово»
<i>kümüs</i> «серебро»	<i>möhgün</i>	маньчж. <i>teğän</i> , ногид. <i>teğün</i>
<i>bolat</i> «сталь»	<i>bolad</i> , <i>yaŋ</i>	маньчж. <i>yaŋan</i> , ногид. <i>gan</i>
<i>güğürt</i> «серая»	<i>kükür</i>	маньчж. <i>xürkü</i>
<i>temir</i> «железо»	<i>temür</i>	маньчж. <i>sele</i> , эвенк. <i>sele</i> , эвен. <i>hel</i>
<i>čoj</i> «чугун»	<i>şirem</i>	—

Слово *altun* (*altan*) «золото» не этимологизируется ни в тюркских, ни в монгольских языках и вполне реальна возможность его связи с кит. *tun* «меди» (*al-tun*)³⁶. Эвенк. *altan* «золото» заимствовано из бурятского языка. Др.-монг. *jes* «меди» < др.-турк. *jaz* ~ *jaz*. Монг.-письм. *qorγoljin* «свинец» так относится к др.-турк. *qorγasın*, как монг.-письм. *eljigen* «осел» к др.-турк. *äskäk*. Эвен. *tūja* «олово» <? монг.-письм. *tūlyā(n)*, маньчж. *teğün* «серебро» < монг.-письм. *möhgün*. Др.-турк. *bolat* «сталь», *güğürt* «серая» и, соответственно, монг.-письм. *bolad*, *kükür*, а также маньчж. *xürkü* «серая» — персидского происхождения, ср. перс. *pulad*³⁷, *gögürt*. Традиционное направление заимствований (с запада на восток) нарушается лишь в одном-двух случаях: монг.-письм. *yaŋ*, маньчж. *yaŋan* «сталь» < < кит.; казах. *qola*, др.-монг. *yolani* «бронза» < ? кит.; др.-турк. *tuč*, турецк. *tunč* «бронза» < ? кит.

Выплавка и обработка металлов с давних времен были характерной чертой хозяйственной деятельности тюрок Алтая. Не случайно «центрально-ноазиатская молва» называла их «цлавильщиками»³⁸. Косвенно об этом свидетельствует также само название Алтая в текстах рунической письменности VIII в. (*Altun jiš* буквально: «Золотая чернь»).

Интенсивная добыча железа на Алтае началась в V–VI вв. Как раз этим временем датируется сообщение о том, что тюроки, живущие в горах Алтая, платят дань жуань-жуаням, одному из монгольских племен, железом³⁹. И именно в это время могло быть заимствовано монголами соответ-

³⁶ У Г. Рамстедта: **al-ton*, ср. др.-турк. *al* «алый, розовый», корейск. *ton* «бледородный металл» (G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, стр. 151).

³⁷ Ср.: Ф. Е. Корш, Некоторые персидские этимологии, «Древности Восточные», IV, М., 1913, стр. 5.

³⁸ См.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 495, 506, 515, 522.

³⁹ Там же, стр. 495.

ствующее слово (*temir*)⁴⁰. Характерно, что на среднем Енисее, в Монголии и Китае железо распространялось довольно поздно⁴¹.

Бронза появилась в Центральной Азии намного раньше железа и значительно раньше возникновения контактов между тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами. Очевидно, только этим объясняется отсутствие одинаковых наименований бронзы в разных группах алтайских языков.

Напомним, что и распространение письменности, являющейся наиболее концентрированным выражением культуры, в основном шло с запада на восток, ср. адаптацию согдийского письма уйгурами, уйгурского письма монголами, монгольского — маньчжурами.

В заключение необходимо отметить, что тюркские языки, «поставляя» монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам собственную лексику, являлись вместе с тем своеобразной перевалочной базой для слов, заимствованных из древних индоевропейских языков Средней Азии и Восточного Туркестана: тохарского, согдийского и других. Есть основания думать, что в этих районах, начиная приблизительно с V в., тюркские племена приобщались к оседлой земледельческой культуре (ср. дерево-люционное наименование уйголов в Восточном Туркестане — *taranči* буквально: «земледельцы»), и, пожалуй, бессспорно то, что из всего древнего алтайского мира только тюркские племена могли иметь непосредственные контакты с индоевропейцами⁴².

*

На основании всего изложенного должен быть сделан следующий вывод: объем лексических связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками весьма значителен, однако природа и характер их таковы (обусловленность контактами и отчетливо выраженная региональность), что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным⁴³.

⁴⁰ Ошибочно рассматривая начальный тюркский *t* как вторичный звук (<*d), Г. Дёффер относит монг. *temir* к числу довольно поздних заимствований из тюркских языков (G. D o e g f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen, I, стр. 100).

⁴¹ См.: С. В. Киселев, указ. соч., стр. 319.

⁴² См.: W. Winter, Tocharians and Turks, сб. «Aspects of Altaic civilization», Bloomington, 1963, стр. 239—251; A. J. van Winden, Sur quelques mots tokhariens provenant de langues asiatiques indo-européennes et non-indo-européennes. «Orbis», XIII, 2, 1964, стр. 595.

⁴³ Выражаю искреннюю благодарность О. А. Константиновой, В. Д. Колесниковой и К. А. Новиковой за помощь, оказанную в процессе работы над статьей.